

ИСТОРИЯ

94(470)«19»

*Л.Р. Гайсина***ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ «НОВЫХ ЧАСТЕЙ»
ГОРОДОВ РУССКОГО ТУРКЕСТАНА**

Во второй половине XIX в. в городах Русского Туркестана появились отдельные «новые части», в которых проживали переселенцы из европейской части империи. Их этнический состав был довольно пестрым. Самой многочисленной группой являлись, естественно, русские, однако крупные диаспоры представляли татары, поляки, немцы, евреи и другие национальные общины. Несмотря на этноконфессиональные различия, они в условиях мусульманской Средней Азии осознавали свое единство и стремились к консолидации.

Ключевые слова: Русский Туркестан; национальная группа; диаспора.

К началу 70-х гг. XIX в. в Туркестанском генерал-губернаторстве насчитывалось около 50 тыс. русских жителей [1. С. 25–26]. Несмотря на то, что в процессе завоевания Средней Азии основывались новые города (Верный, Красноводск, Казалинск, Перовск и др.), значительная часть русского населения поселялась в старых городах, в которых были образованы обособленные части. Таким образом, в рамках одного города фактически сосуществовали два: «старый» («туземный») город и так называемый «новый» («русский»). Самым крупным городом был Ташкент – центр всей русской среднеазиатской жизни. К разряду крупных городов также относились Самарканд, Асхабад (Ашгабад), Ходжент, Коканд, Андижан, Маргилан, Чимкент, Наманган, Чарджуй, Джизак, Катта-Курган, Аулие-Ата и Ура-Тюбе. Первоначально «новая часть» представляла собой военное укрепление с казармами. Однако со временем сюда перебирались семьи офицеров, чиновники, купцы; многие солдаты, выходя в отставку, оседали в крае. В отличие от традиционных селтльментов европейцев на Востоке, «новые части» не имели специальной охраны, и «туземные жители» могли беспрепятственно не только находиться на их территории, но и свободно селиться здесь.

С самого начала этнический состав «новых частей» был неоднородным. Так, например, в 1871 г. население «новой части» Ташкента (без учета войск) составляло 2 073 человека, в том числе 1 289 русских (включая украинцев и белорусов), 318 узбеков, 114 казахов, 110 немцев, 98 татар, 80 евреев, 18 поляков, 9 финнов и 6 шведов, а также несколько датчан, афганцев, башкир и молдаван [2. С. 144]. В путевых заметках А.А. Олсуфьев и В.П. Панаев, говоря о Самарканде, отмечали: «...здесь вы можете видеть полное смешение языков. Масса иностранцев, русских, сартов, персов попадают вам на каждом шагу и повороте» [3. С. 206]. Самую многочисленную группу населения составляли русские (в том числе украинцы, белорусы). География русских переселенцев была весьма обширна. Особенно много было уроженцев Воронежской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Харьковской, Оренбургской и Самарской губерний.

Довольно большой была татарская диаспора. Следует отметить, что до начала присоединения Туркеста-

на российская торговля со среднеазиатскими государствами осуществлялась исключительно татарскими купцами, которые зачастую не возвращались на родину. Нередко в Среднюю Азию перебирались те, кто стремился избежать уголовной ответственности или воинской повинности. К 1865 г. здесь проживало до 5 тыс. татар. Вместе с русскими войсками пришли татары, служившие офицерами, солдатами и переводчиками [4. С. 111]. Татары, прибывшие из России, как правило, селились в «новой» части городов, несмотря на то, что местные татары проживали в «туземной». В «новом» Ташкенте татарская слободка образовалась вблизи Бешагачских ворот. Улица вдоль арыка Анхор получила название Татарская (ныне ул. Тураба Тулы).

Число татарских переселенцев увеличивалось из года в год. Если в 1871 г. в «новом» Ташкенте проживало всего 98 татар, то в 1897 г. их было уже 2 313. К концу XIX в. самая многочисленная татарская диаспора – 6 670 человек – проживала в Намангане [5. С. 2–3]. Татары жили также в Асхабаде (1 161 человек) [6. С. 2–3], Туркестане (513), Аулие-Ата (266), Чимкенте (120) [7. С. 2–3]. Небольшие татарские общины были в Коканде, Маргилане и Андижане. Кроме военных, чиновников и переводчиков, среди татар были служители мечетей, приказчики, лавочники, купцы, разъездные торговцы, маклеры, скупщики и приемщики хлопка, извозчики, лесные объездчики, конюхи, каменщики, плотники, столяры, кузнецы, портные, сапожники, шапочники, изготовители свеч, ювелиры, булочники, дроворубы и т.д.

В конце XIX в. в Ташкенте уже действовали татарская мечеть и медресе Марджани, а в центре Ташкента процветал пассаж братьев Яушевых (в районе ресторана Заравшан). В 1902 г. в Новой Бухаре была открыта первая татарская школа, а в Ташкенте функционировала татарская школа муллы Нур Вахидова. В 1904 г. Сахибом Еникеевым был создан первый национальный театр [8. С. 138]. Значительную работу проводили татары в налаживании местной периодической печати. Книги, написанные на татарском языке арабским алфавитом, могли читать и понимать другие тюркские народы. Татарские просветители, педагоги новометодных школ, впитавшие в себя передовые достижения восточно-мусульманской и европейской культур, стали выступать, как отмечал В.В. Бартольд, в роли просве-

тителей своих среднеазиатских единоверцев [9. С. 169]. Туркестанская администрация, опасавшаяся распространения панисламизма, видела в татарских просветителях потенциальную угрозу, и в 1886 г. «Положением об управлении Туркестанским краем» татарам было запрещено приобретать в Туркестане землю и вообще недвижимость [10. С. 445]. Однако этот запрет можно было легко обойти, покупая недвижимость на имя подставных лиц.

Согласно всеобщей переписи населения 1897 г. в Коканде проживало 275 евреев, в Маргилане – 186, в Намангане – 110, Андижане – 97 [5. С. 2–3], в Ташкенте – 1719, в Туркестане – 498, в Чимкенте – 202 [7. С. 2–3]. Евреи в Туркестане делились на «туземных» и «европейских», или «русских». До присоединения Средней Азии к Российской империи евреи (бухарские) составляли особую замкнутую этноконфессиональную общину. Правовое и социальное положение евреев в Средней Азии было хуже, чем в других мусульманских странах. Их основными занятиями были мелкая торговля и ремесло; кредитные операции в Средней Азии осуществлялись исключительно индийскими ростовщиками. Бухарские евреи подвергались многочисленным и унижительным мелочным, распространявшимся буквально на все сферы жизни ограничениям, известным под названием «21 запрет». Им запрещалось ездить в городе верхом или на телеге, носить шелковые халаты, иметь больше одной синагоги в каждом городе и т.д. Евреи должны были носить особые головные уборы, подпоясываться веревкой, платить джизью, их лавки должны были быть на пол-аршина ниже узбекских [11. С. 6].

Завоевание Средней Азии Россией избавило евреев от таких притеснений, поэтому не случайно именно среднеазиатские евреи были наиболее заинтересованы в переходе под власть русского императора. Л. Костенко писал по этому поводу: «...[они] искренно желают перемены управления и ждут прихода русских, как Мессии» [12. С. 52]. Согласно утверждению Александром III мнению Государственного Совета, евреи, «водворившиеся в Туркестанском крае с незапамятных времен, равно как происходящее от них потомство», пользовались всеми правами «туземного» населения [13. С. 228]. Таким образом, статус «туземных» евреев ничем не отличался от статуса мусульманского населения Средней Азии, и на них не распространялись ограничения, которым подвергались евреи российские. Значительную часть европейских евреев составляли бывшие солдаты. Выходя в отставку, они оседали в крае. Большинство из них занимались ремеслом и торговлей. Среди евреев были также врачи, инженеры, ученые. К концу XIX в. они стали занимать важные позиции в экономике Средней Азии. В отличие от «туземных» евреев, подвергавшихся дискриминации, европейские евреи находились в общеимперской юрисдикции.

Одну из самых многочисленных этнических общин составляли немцы. Больше всего их было в Ташкенте: в 1897 г. в его «новой части» проживало 2 299 человек, в Маргилане – 158, в Андижане – 49, в Коканде – 61, в Намангане – 46 [5. С. 2–3], в Асхабаде – 285 немцев [6. С. 2–3]. В основном немцы служили в туркестанской администрации. Конечно, самым известным из них был «устроитель Туркестанского края» первый его генерал-

губернатор Константин Петрович фон Кауфман. Широко известны имена члена Ташкентской городской думы М.Р. Келлера, С.Д. Гескета – военного губернатора Самаркандской области, статского советника Э.Г. Бруна, барона фон Ранненкампа, работавшего инженером в строительном отделении Самарканда, позже исполнявшего обязанности мирового судьи Кызыл-Арватского округа Асхабадского окружного суда, и других. Много было среди немцев инженеров, врачей и других высококвалифицированных специалистов, а также ученых. Капитан барон Репп возглавлял одну из групп экспедиции, направленной на исследование старого русла Амударьи. Надворный советник А.Э. Регель, наманганский уездный врач, организовал и возглавил научную экспедицию в Гиссар и Дарвазу через Куляб. Он составил ботаническую коллекцию местных растений, часть которых была эндемиками. 28 ящиков этой коллекции были отправлены в Санкт-Петербург, в Императорский ботанический сад. Н. Тейх, магистр фармакологии, возглавлял Ташкентскую химическую лабораторию. Немецкие переселенцы проживали в «новых» частях городов, но старались концентрироваться в какой-либо одной части. В Ташкенте компактное заселение немцев-военных и гражданских чинов шло по улицам Наманганской и Гоголя. В Коканде они проживали в так называемом «немецком» квартале, который располагался в «новой» части. В бытовой и повседневной жизни переселенцы стремились сохранять элементы немецкого быта (убранство, слова нравоучений или молитвы на вышитых салфетках, обилие маленьких подушечек на диванах и кроватях, высоко взбитые перины, музыкальные инструменты в доме) и традиционную кухню.

Первыми поляками в Средней Азии были сосланные на границу с Казахстаном участники польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. Однако формирование польской диаспоры в Туркестане происходит именно в период его завоевания. О. Медведева-Нату указывает, что в этом заключался исторический парадокс ситуации, так как первыми сюда прибыли поляки, служившие в русской армии, – той самой армии, которая подавила попытки восстановить независимость Польши. Теперь же, по словам исследовательницы, поляки на русской службе воевали с «туземцами», чтобы уже их лишить независимости. Однако эти поляки были твердо убеждены в своей «цивилизаторской» миссии на Востоке, другие, возможно, верили, что лояльность в отношении России – благо для Польши, но, скорее всего, большинство просто следовало шляхетским понятиям о чести, не допуская нарушения воинской присяги [14. С. 114]. После выхода в отставку немало польских военных осталось в Средней Азии. Затем к ним присоединялись чиновники, учителя, врачи, юристы, предприниматели, инженеры, высококвалифицированные рабочие и ремесленники. К концу XIX в. на территории всего Русского Туркестана насчитывалось 11 597 поляков. Около 90% из них жили в городах. Самая многочисленная диаспора располагалась в Ташкенте. В 1871 г. в Ташкенте было всего 18 поляков, а в 1897 г. – уже 2 206 [7. С. 2–3]. В Асхабаде проживало 1605 поляков, в Маргилане – 727, в Андижане – 194, Коканде – 215, Намангане – 192 [6. С. 2–3]. Весьма

примечательно, что поляки не отделяли себя от «туркестанских» русских. Только со временем, на рубеже XIX–XX вв., поляки стали образовывать католические приходы, прихожанами которых обычно становились и немцы-католики. Поляки сильно тяготели к немцам, и в Туркестане были довольно широко распространены польско-немецкие браки.

Первыми представителями кавказских народов в Средней Азии стали армяне, принимавшие участие в завоевании края. Они переселялись из Зангезура, Карабаха, Западной Армении. Армянская диаспора, несмотря на относительно малочисленность, была довольно активна в экономическом отношении. В городах Туркестанского края появились доходные дома и рестораны, магазины, бани, ремесленные мастерские и фабрики, винодельни, бани, гостиницы, доходные дома, открытые армянами. Генерал-майор русской армии Б. Литвинов вспоминал: «...пришли русские войска, за ними потянулись армяне... открылись лавчонки; прибыли еще войска... выросли транспортные конторы, заводы, церковь, школа и... армяне, армяне и армяне. Армяне торговцы вытеснили торговцев татар, армяне портные выгнали портных евреев, армяне – скупщики, перекупщики, держатели пивных, словом, образовался особый армянский квартал» [15. С. 206]. Наибольший приток армян наблюдается в связи со строительством железной дороги Красноводск-Самарканд, где они трудились в качестве рабочих при возведении вокзалов и мостов, паровозных депо и каменных домов. Русские власти довольно благожелательно относились к армянским переселенцам. Не последнюю роль играл тот факт, что армяне были христианами. Р. Назарьян, долгие годы занимающийся вопросами истории армянской диаспоры, подчеркивает, что армяне-переселенцы в первую очередь старались открыть церковь и учредить армяно-григорианские приходские школы [16. С. 134].

В начале XX в. греческая диаспора в Туркестане насчитывала от шестисот до тысячи человек. Наиболее зажиточные и успешные среди них обосновались в

Ташкенте. В Самарканде проживали в основном разного рода мелкие служащие – всего около ста человек. Греки занимались преимущественно ремеслом и торговлей. Некоторые из них достигли в этом большого успеха, особенно греки-купцы, собственники пекарен и так далее. Особо в этом отношении выделялись братья Мандалаки – владельцы крупнейшего в Ферганской долине гренажного завода, построенного в 1899 г.

Число иностранных подданных в Туркестане было незначительно. Так, например, в Сыр-Дарьинской области согласно всеобщей переписи населения 1897 г. в городах их число составляло всего 2% [7. С. VII]. Среди иностранных подданных встречались выходцы из Австро-Венгрии, Германии, Италии, Пруссии, Франции, Швейцарии и Швеции, а также из Османской империи, Китая, Японии, Персии, Индии [7. С. VIII].

Переселенцы разных этнических общностей, проживая в рамках «нового» города, предпочитали селиться компактно в отдельных кварталах или улицах. Так они могли сохранять привычный быт, языковую и культурную среду. Несмотря на различие веры и национальности, специфика положения переселенцев из России в мусульманской Средней Азии заставляла осознавать и свое единство. Ни в официальных документах, ни в воспоминаниях современников не встречаются сведения о какой-либо этнической напряженности. Отличительной чертой жителей «новых частей» являлось ощущение единства, разные этнические группы не пытались обособиться друг от друга. Шел активный процесс консолидации славянского населения; украинцы и белорусы хотя и сохраняли довольно долго свой язык, черты бытовой культуры, в условиях Туркестана, оказавшись среди мусульманского населения, были склонны к сплоченности, приверженности идеи общерусской идентичности. Эти процессы были характерны не только для славянского населения. Так, например, русские евреи, прибывавшие в край, предпочитали общаться с выходцами из России, а не с «туземными» единоверцами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макшеев А.И.* Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отделению статистики. 1871. Т. II.
2. *История Ташкента с древнейших времен до победы февральской буржуазно-демократической революции.* Ташкент, 1988.
3. *Олсуфьев А.А., Панаев В.П.* По Закаспийской военной железной дороге. Путевые впечатления. СПб., 1899.
4. *Губаева С.С.* Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX в. (этнокультурные процессы). Ташкент, 1991.
5. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXIX. Ферганская область / под ред. Н.А. Тройницкого. Изд. центр. стат. комитета Министерства внутренних дел, 1904.
6. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXII. Закаспийская область / под ред. Н.А. Тройницкого. Изд. центр. стат. комитета Министерства внутренних дел, 1904.
7. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXVI. Сыр-Дарьинская область / под ред. Н.А. Тройницкого. Изд. центр. стат. комитета Министерства внутренних дел, 1905.
8. *Ильхамов А.* Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002.
9. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
10. *Высочайше* утвержденное Положение об управлении Туркестанского края. Закон 3814 // Свод Законов Российской Империи. Собр. третье (1881–1913). СПб., 1886. Т. VI.
11. *Кантор Л.М.* Туземные евреи в Узбекистане. Самарканд ; Ташкент, 1929.
12. *Костенко А.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.
13. *Высочайше* утвержденное мнение государственного совета об условиях, при которых евреям дозволяется приобретать недвижимую собственность в Туркестанском крае. Закон 6039 // Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. третье (1881–1913). СПб., 1886. Т. VI.
14. *Медведева-Нату О.* Войны и люди: поляки в Средней Азии // Диаспоры. 2006. № 2.
15. *Кауфманский* сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I-го. М., 1910.
16. *Назарьян Р.Г.* Армяне Самарканда. М., 2007.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 октября 2011 г.